

Любовь Свадьбина

Попаданка ледяного дракона

♠Часть 1. Глава 1

Появление отца всегда заканчивалось неприятностями: то деньги украдёт, то скандал устроит. В этот раз он себя превзошёл: утащил меня в другой мир и втравил в невероятную историю. Но обо всём по порядку.

– Проваливай, – необъятный охранник сгребает меня за локоть и толкает к выходу.

– Но мне зарплату должны, – вцепившись в раму металлоискателя, повторяю я. – Отдайте!

Идущие к лифту клиенты в дорогих костюмах оглядываются. Аромат их парфюма ещё чувствуется на входе.

– Не знаем мы тебя, сумасшедшая. – Охранник натянуто им улыбается, а мне бурчит.
– Иди, полечись.

– Я на испытательном сроке два месяца пахала! – громче повторяю для остановившихся у лифта мужчин. – Каждый день через эту дверь входила!

– Не видел я тебя, – охранник пытается протолкнуть меня на улицу.

– А вот я вас видела, Фёдор Васильевич, – вцепившись в рамку металлоискателя, отчаянно упираюсь, ведь почти весь день караулила, прежде чем проскользнула с клиентами на вахту, шанс упускать нельзя: не получу деньги сейчас – хозяйка комнаты выставит мои вещи на лестницу.

Никогда, никогда-никогда не работайте без официального контракта, даже если на фирму вас устраивает двоюродный брат!

Дзинькает лифт, раскрывает двери. Расфуфыренные мужчины входят в кабину и, пока двери закрываются, с любопытством наблюдают, как охранник потным пузом выпирает меня наружу.

– Отпусти, кабан, – цежу я. Рамка металлоискателя режет пальцы, они неумолимо разжимаются...

– Проваливай уже и не возвращайся, – бормочет охранник.

– Но я же работала!

Прекратив толкаться, охранник устало произносит:

– Девочка, ты здесь никто и звать тебя никак. Таких, как ты, сотни, и никто платить очередной дурочке не будет.

Стыд обжигает, смешивается со злостью: да, дурочка! Верить никому нельзя, даже близким.
Особенно близким!

Накатывает внезапное и всепоглощающее бессилие: ничего я не добьюсь. Охранник выталкивает меня на шумную улицу. Запнувшись о коврик, падаю на колени. Дверь захлопывается, пищит замок.

Колено саднит. Хорошо ещё, что сегодня я в джинсах. Сумочка соскальзывает с плеча.

И что теперь делать?

Поднявшись, отряхнув ладони и колени, отступаю от крыльца и, придерживая сумочку, запрокидываю голову: в окнах серо-стального здания горит свет, сотни работников трудятся по кабинетам. Только на третьем этаже в окне стоит крашеная блондинка с чашкой. Лена. Жёнушка моего двоюродного брата. Это она вложила в бабушкину голову «светлую» мысль, что квартиру надо завещать по мужской линии, ведь девочка, то есть я, буду жить с мужем.

Стоило догадаться, что и здесь Лена не упустит случая меня подставить. Наверняка она братца и надоумила... Улыбнувшись, Лена разводит руками: мол, без обид, сама виновата.

Знаю, что сама, и от этого вдвойне обиднее. Наладила отношения с родственниками, называется.

▲Стиснув зубы, пытаюсь сохранить лицо. Не буду унижаться, как в прошлый раз, когда просила не выгонять из бабушкиной квартиры. Не буду. Не дождётесь!

Развернувшись, шагаю мимо выстроившихся на автостоянке автомобилей. Все дорогие, тёмные, блестят на солнце.

«Будешь хорошо работать, тоже будешь на машине приезжать», – с улыбкой обещал братец.

«Это твой шанс, не опозорь нас перед начальством», – настраивала на работу Лена.

«У нас все проходят испытательный срок на таких условиях, потому что за каждое место драка», – уверяли в отделе кадров, и, судя по их костюмам, о будущей зарплате не привирали.

Лгали только о том, что я смогу её получать.

– Витория...

Этот голос и имя заставляют вздрогнуть и, впившись в сумочку, резко обернуться.

– Виктория, – хрипло от напряжения возражаю я. – Я даже в паспорте имя поменяла.

Светловолосый мужчина, давший мне странное имя «Витория» вместо обычной «Виктории», быстро приближается. Высокий, широкоплечий, в свои шестьдесят он выглядит едва ли на тридцать пять. Глаза неестественно синего, как вечернее зимнее небо, цвета сразу притягивают внимание. Я унаследовала такие же, и это единственная наша общая черта.

– Не имеет значения, – бросает отец на ходу и, схватив меня за локоть, разворачивается, тянет за собой. – Нам пора.

– Куда?.. – Упираюсь, хотя при нашей разнице в росте и весе это глупая затея.

– Ты почему живёшь не дома? – Его пальцы до боли впиваются в локоть. – Почему приходится тебя искать?

От изумления перехватывает дыхание, я теряю опору, и отец тащит меня вдоль тёмных машин на стоянке перед фирмой. Хватанув ртом воздух, выпаливаю:

– Потому что ты исчез пять лет назад и не оставил адреса! Потому что не удосужился позвонить и узнать, как я живу после смерти бабушки.

– Она уже умерла? Хм, да, следовало ожидать от простого человека.

Это заявление не удивляет: папаня всегда был с приветом, может, поэтому они с мамой сошлись – та тоже была не от мира сего.

– Отпусти, мне вещи надо забрать, – снова пытаюсь остановиться, но отец дёргает так сильно, что едва успеваю выставить ногу, иначе растянулась бы на асфальте. – А лучше денег дай, чтобы твоя дочь не ночевала на вокзале с бомжами.

– На эту ночь у нас другие планы, – сообщает отец.

Потрясённая, иду за ним. Неужели... неужели он решил обо мне позаботиться? Могла же у него проснуться совесть... Сглатываю солоноватый привкус слёз. Тут же себя одёргиваю: не стоит ждать чуда – отец никогда не оправдывал моих надежд.

Искоса оглядываю его: шёлковая рубашка, модельные джинсы, ботинки, кажется, дорогие. И часы тоже выглядят недёшево. Неужели жизнь у него налаживается?

Подведя меня к серебристой «Тойоте Ленд Крузер», он открывает дверь. Запах свежей кожи немного ошеломляет, я оглядываю шикарный салон.

– Твоя? – Как-то особенно остро ощущаю непритязательность моей простой белой блузки, сумочки и джинсов с распродажи, поношенных туфель.

– Залезай. – Он подталкивает меня на высокое пассажирское сидение.

Похоже, дела у него идут в гору. Неужели решил мне помочь? Надежда есть, но и тревожные звоночки тоже: почему он так груб? Куда торопится?

Практически впихнув меня на переднее сидение, отец захлопывает дверь. Пока обходит капот, есть шанс сбежать, только... куда? Под дверь квартирной хозяйки?

Запрыгнув внутрь, задний ход отец даёт слишком резко, взвизгивают тормоза. Разворачиваясь, он задевает выступающую из соседней линии «Ауди» и жмёт на газ.

Под вой сигналки мы уносимся прочь.

– А... – Указываю за спину. Внутри холодеет от дурного предчувствия. – Мы же машину задели.

– К драконам её.

– Но... тебя прав лишат.

– Плевать.

Проскочив по дворам, он выруливает на соседнюю улицу с четырёхполосным движением и встраивается во второй ряд.

Не нравится мне это всё, совсем не нравится.

– Развернись, – прошу я. – Мне надо на квартиру вещи забрать, иначе их выкинут.

– Они тебе больше не понадобятся.

– Как это не понадобятся? – Взмахиваю руками. – Там не просто шмотки с косметикой, там фотографии, часть моих документов, там...

– Замолчи.

– Слушай, ты! Тебя не было пять лет, я уже совершеннолетняя...

– Замолчи, или я тебя ударю.

Его тон и каменное выражение лица не оставляют сомнений в исполнении угрозы. Страх сковывает сердце. Но я спрашиваю, хоть и тихо:

– Почему?

– Потому что я потратил слишком много времени на твои поиски, мы можем опоздать.

– Куда?

– Домой, – что-то странное в его голосе, интонация, которой я прежде не слышала: болезненная нежность.

Сложив руки на груди, откидываюсь на сиденье. Хорошо, пока помолчу, но при удобном случае сбегу. На светофоре, например, вон он впереди маячит.

– Витория, даже не пытайся сбежать.

– Мне нужны мои вещи.

– Нет. Там, куда мы направляемся, они не нужны.

Внутренности сжимаются: он, случаем, не в сектанты заделался? А то бывают такие: живут на закрытой территории по своим правилам, людей в рабстве держат...

– А зачем тебе я? – интересуюсь ласково. – Может, ты... как-нибудь сам? То, что я твоя дочь, вовсе не...

Он проносится на красный свет, чудом не снеся коляску.

– Ты псих! – От осознания, что ещё полметра в сторону, и мы бы раздавили ребёнка, заходится сердце.

– Заткнись! – Отец стискивает руль. – Мы можем опоздать, дура!

Меня потряхивает. По лицу отца идут красные пятна, висок блестит от пота. Устремлённый на дорогу взгляд напряжён, зубы стиснуты. Может, батя окончательно рехнулся? Вдруг

у него
шизофрения? Он же спьяну говорил, что был великим магом, мысли читал, историю
вершил...
потом это всё списали на алкоголь, но что... что если он правда сумасшедший?

Чёрная «Мазда» притормаживает в хвосте пробки на светофоре. Отца перекашивает:

– Ублюдки, не нашли другого времени, чтобы сунуться поперёк дороги!
▲Мы стоим, и это отличный шанс смыться. Дёргаю ручку, но сильная рука хватает
меня за шиворот.

– Не смей! – Отец оттягивает меня от двери.

Впиваюсь ногтями в его ладонь, пытаюсь укусить. Боль пронзает скулу, и всё
меркнет...

Жарко. Спать жарко и душно. Терпеть не могу лето и осень, лучше зима, когда
прохладно и всё
вокруг сверкает. Сглатываю. Голову пронзает боль и понимание, что я не в
постели, а в кресле.
Кажется, кожаном: так мерзко оно липнет к спине вместе с влажной от жары
блузкой.

– Я знаю, что ты не спишь, – произносит отец.

Касаюсь припухшей скулы. Больно! Страх удара сковывает тело, но удара так и не
следует.

Поят птички.

Осторожно приоткрываю глаза: в салоне полумрак, вокруг – деревья. Птички поют
очень весело.

Отец то ли в секту хочет затащить, то ли в рабство продать. А может, принести в
жертву
разгулявшейся шизофрении?

– Уже скоро. – Отец поворачивается, и я отодвигаюсь: его взгляд безумен,
дрожащие губы
искажены страшной улыбкой.

Он плачет. Густые чёрные ресницы торчат мокрыми пучками, блестящие дорожки
сползают по
щекам, а на рубашке – тёмные влажные капли.

– Ты меня убьёшь? – выдавливаю я.

– Нет, – смеётся он. – Сейчас для меня нет ничего ценнее твоей жизни!

Хочется верить. Только от ужаса внутренности сжимаются, а зубы норовят постучать друг о друга.

– Пойдём, – безумно улыбающийся отец протягивает руку.

Вжимаясь в дверь, лихорадочно шарю сзади, пытаюсь отыскать в кармане телефон, но его нет, и сумочки с документами тоже нет. В салоне всё гладкое, хорошо прикрученное: ничего не оторвёшь, чтобы использовать вместо оружия. Может, в лесу попадётся крепкая палка? Или камень?

А пока надо изобразить покорность. Опустив взгляд, киваю.

Отец выходит из машины. Резко отворив дверь со своей стороны, бросаюсь на улицу. Затёкшая нога подламывается, немеет от тысяч щекотных уколов. Тут же отец вздёргивает меня вверх.

– Доченька, – он обнимает меня и подхватывает на руки. – Я никогда не был так рад тому, что ты у меня есть.

От ужаса стискивает горло. Лихорадку мыслей сбивают отдалённые голоса.

Где-то рядом люди. Враги или надежда на спасение? Оглядываюсь, пытаюсь понять, где мы, но кругом деревья. Кажется, журчит вода. Голоса звучат ближе. Между кустов вспыхивает оранжевый глаз костра.

Люди. Здесь люди! Они жгут костёр. Пахнет шашлыком...

В стороне за деревьями и кустами вспыхивает белый свет. Гаснет. Опять вспыхивает. Будто подмигивает...

Зачем я волнуюсь? Чего боюсь? И лес, и странное поведение отца – всё это неважно. Главное – мерцающий свет. Надо к нему подойти, слиться с ним. Свет – только он имеет значение.

Почти не чувствую, как соскальзываю с рук отца. Шагаю к сиянию, но отец толкает меня в сторону.

– Пусти, – я тянусь к мерцающему свету.

Перехватив под рёбрами, отец тащит меня в сторону, подальше от костра. Стучу по его руке кулаками, царапаю: мне же надо туда, к свету. Обязательно!
▲Протасив сквозь кусты, отец ставит меня на траву. Придерживает под рёбрами, теперь позволяя идти к неведомому восхитительному свету.

К нему иду не только я: светловолосая девушка в платье и дерзких розовых кроссовках ломится сквозь кусты прямо к источнику мерцающего сияния.

▲Глава 2

Приоткрываю губы её окликнуть, но отец зажимает мне рот ладонью, шипит на ухо:

– Тихо!

Ну и ладно, главное – разрешает двигаться к свету.

Трещат кусты. Мы входим в них по проторённой блондинкой дорожке. Та с остервенением раздвигает ветки, оставляя на них нити и лоскуты платья. Краем сознания отмечаю, что ей, наверное, больно, но почти сразу мысли пронзает непреодолимое желание добраться до источника пульсирующего света.

Блондинка первой прорывается сквозь кусты.

– А-а-а-а! – раздаётся оттуда мужской голос.

Отец отодвигает меня за спину. Я бросаюсь вперёд, но он, ловко придерживая меня, пробирается первым. Замирает. Выглядываю из-за его плеча: посередине поляны стоит мерцающий столб, и я хочу подойти, всё во мне жаждет коснуться его...

– Кто я? Где я? – рыдает сидящий перед блондинкой мужчина в балахоне.

Отвернувшись от него, она касается столба – и исчезает.

– Пора! – Схватив меня под мышку, отец проносится через поляну к столбу и вдавливают меня в него

– сквозь него, в парализующий холод. Почти мгновенно исчезает и холод, оставив меня в мире без ощущений, без эмоций.

ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП!

Сумрачно. Меня придавливают к каменной стене. От испуга перехватывает дыхание. Но это всего лишь отец. И носатый брюнет в сюртуке. В рот пихают что-то кисло-ватное.

– Ешь, а то умрёшь, – шепчет отец. От неожиданности шире распахиваю глаза. Мы в каменном зале. За плечом отца белеет лохматая голова блондинки.

– Ешь, глотай, – настойчивее требует он.

Гудят голоса, эхо – всё звенит. Челюсти будто сами двигаются, пережёвывая кислую гадость. И сглатывает её тело само собой.

– Идём, – приказывает отец.

Пока не объяснит – не пойду! Но вопреки желанию ноги несут меня за ним. Отец скользит вдоль стен, я – следом, а в конце – неизвестный носач. От него веет... силой.

Протянувшая руку блондинка истуканом стоит посередине зала. Что с ней? Что будет со мной? Почему тело действует само по себе? Паника нарастает, мешая дышать.

Из-за эха кажется, будто хлопки и голоса звучат отовсюду, пронизывают весь зал. Мы почти доходим до тёмного проёма, когда незнакомец сжимает моё плечо. Отец тоже останавливается. Вдвоём они прижимают меня к стене.

Из темноты бесшумно выходит невысокий старик в кожаных штанах и рубашке странного кроя. Кинжал поблёскивает на его бедре, в руке качается портфель. Старик приближается, но на нас будто не замечает.

Поравнявшись с нами, останавливается и смотрит на меня, не мигая. Смотрит в глаза. По его лёгкой растерянности, по движению зрачков понимаю – не видит меня. Нахмурившись, потрянув головой, старик продолжает путь.

Отец выдыхает. Снова делает шаг вперёд. Моё тело следует за ним по пятам. Точно в кошмарном сне. Да! Иного объяснения нет: это кошмарный сон, и когда проснусь, всё закончится.

Мы ступаем в тёмный коридор. Голоса и хлопки здесь намного тише. Отец шарит рукой по стене. Что-то щёлкает, мы ныряем в ещё более густую темноту. Нога соскальзывает со ступени, но незнакомец ухватывает меня за шиворот, не давая упасть. Трещит блузка, врезаясь под мышки и в горло.

▲Отец перекидывает меня через плечо и торопливо спускается вниз. Кровь приливает к голове.

Шуршат подошвы, доносятся отголоски хлопков. Болтающаяся внизу голова кружится, к горлу подступает тошнота, но оцепенение не разбивается даже рвотным позывом.

Что со мной? Неужели меня парализовало? Нет! Только не это!

Сквозь свисающие тёмные волосы не сразу замечаю забрезживший свет. Носатый

обгоняет отца.

Тихо всхлипывает дверь, пропуская на лестницу поток оранжевого света. Отец выныривает в коридор. В некоторые из каменных плит пола инкрустированы медные символы. Потрескивают свечи. Пахнет странно.

Мы минуем лестницу и коридор, вновь оказываемся во тьме: гулкой, сырой и холодной. Кровь в голове не гудит, а ревёт, и больше не страшно, мне... тесно, будто стискивает со всех сторон. Давит сверху.

Снова остановка. Меня сажают на ящик, приваливают спиной к ледяной стене. Без предупреждения вспыхивает свет. Он исходит из маленькой парящей в воздухе сферы. Невероятно! Носатый брюнет оглядывает меня. Кивает.

Отец, взяв с соседнего ящика шкатулку, поднимает крышку. С щелчком вскрывается второе дно. Шкатулку подносят ко мне. Чувствую – нельзя в неё заглядывать, надо бежать, и я пытаюсь, но тело не слушается. Всё же заглядываю внутрь. Там – тьма.

Во тьме открываются алые глаза и зубастая пасть. Тьма выплёскивается мне на колени, взбирается по груди и окутывает шею, плечи...

Неведомая тяжесть, душившая меня последние минуты, отступает. С этой страшной тварью на груди я вдыхаю глубоко и свободно. Значит, это не чудовище, а помощник, просто страшненький такой.

Носатый, улыбнувшись, достаёт из кармана шар, тот увеличивается втрое. Медленно подносит его к моему лбу и прижимает. Шар проваливается в голову, её охватывает нестерпимый зуд, но прежде, чем успеваю вцепиться ногтями в кожу, он исчезает.

– Добро пожаловать в Эёран, Витория, – носатый протягивает ладонь. – Я Малри Эста, друг твоего уважаемого отца. Рад познакомиться с такой очаровательной леди.

О да, я очень очаровательна сейчас: волосы растрёпаны, синяк на скуле, одежда в сравнении с его бархатным камзолом просто нищенская. Но руку для пожатия поднимаю, Малри подхватывает её и, словно в фильмах о галантном веке, прижимается губами к тыльной стороне ладони.

– Прости, если напугал, но надо было действовать быстро, чтобы вас не перехватили враги.

Наверное, надо спросить, что за враги и как от них спастись. Или уточнить, за

что уважают отца,
которого дома считали чуть ли не сумасшедшим. И ещё нужно выяснить, что за
чёрная штука
окутала шею, но я тыкаю пальцем в сияющую сферу и ошеломлённо бормочу:

– Это магия? Магия, да? Мы в...

– В Эёране, – улыбается Малри, его рассечённое тенями носатое лицо становится
жутким. – Самом
волшебном из всех миров. И самом несправедливом. Но об этом позже: вам надо
бежать.

– Магия... другой мир, – повторяю я. Кажется... кажется, у меня сдают нервы. Хочется
хохотать в
голос: магия. Это же просто... – Невероятно!

– Да, и у тебя тоже будет магия. – Малри гладит мою руку. От прикосновений по
коже растекается
успокаивающая прохлада. – А сейчас переодевайтесь, вам надо скорее отправляться
в Озаран, вы
должны успеть до того, как перекроют дороги.

Холодок от его руки ползёт выше. Существо на моей шее издаёт kloчущий звук, на
плече
открывается пять алых глазок и выпучиваются на Малри.

– Что это? – не своим, писклявым голосом спрашиваю я, косясь на фыркающее
создание. – Оно меня
не укусит?

– Оно поглощает излишки магии, – отец по кивку Малри открывает ящик и
вытаскивает мешок,
вытряхивает из него одежду. – Ты не привыкла к магии в таком количестве, за
стенами Академии
тебя без него убьёт.

– Мне всю жизнь с этим ходить?

– Пока не адаптируешься, – отец бросает мне длинное старомодное платье.
▲– А ты? Тебе такая штука не нужна?

– Я коренной эёранец, магический фон не вредит мне даже после долгого перерыва.

Ох, чувствую, нам есть о чём поговорить.

– Я проверю повозку. – Малри уходит в темноту.

Его шагов не слышно за шелестом одежды переодевающегося отца.

– Витория, скорее, нам надо бежать.

Отец никогда не оправдывал моих надежд, но... в этом чужом мире он единственный
мой близкий
человек, единственный, у кого есть повод обо мне заботиться. Я встряхиваю

платье. Тут история
наверняка идёт иначе, но вид одежды часто диктуется традициями общества. Сюртуки
и подобные
платья по аналогии с земной историей – век девятнадцатый, максимум – начало
двадцатого. В те
времена одиночкам жилось несладко.

Расстегнув мелкие пуговицы на спине лифа, натягиваю платье поверх блузы и
джинсов. Из-за
тёмного цвета оно кажется невзрачным, но ткань мягкая. Чёрное существо
растекается по мне,
словно комбинезон, и легко помещается под платьем.

– Развернись, – велит застёгивающий свою жилетку отец.

Ловко справившись с пуговками у меня на спине, он вытаскивает из ящика жакет и
берет с
пёрышками и серебряной брошкой.

– Убери под него волосы.

– Ты должен мне объяснения, – скручиваю пряди в жгут и вкладываю их в берет,
надеваю его чуть
набок, поправляю брошку с пёрышками. – Долгие и подробные.

– У нас будет время. – Отец подхватывает меня под локоть и ведёт в темноту.

Светящаяся сфера остаётся в воздухе рядом с ящиками и пустой шкатулкой.
Несколько раз
оглядываюсь на неё: сияет. Она висит прямо в воздухе, ничто её не держит.

– Ступени, – предупреждает отец.

Шагаю осторожнее, натыкаюсь пальцами на влажную стену. Мурашки вздыбливаются, и
неведомое
существо на моей шее ёрзает, отчего мурашек становится ещё больше.

– Долго я буду адаптироваться? – Мой шёпот звучит удивительно громко.

– Тсс, – доносится из глубокой темноты.

Вопросы распирают голову, язык зудит – выпросить все-все подробности, понять,
что происходит.
Но молчу. Впереди мелькает тусклый свет, всполохи теней. Тянет запахом сена и
навоза. От
конского ржания вздрагиваю. Отец выводит меня в... ангар.

В глазах кобылы, запряжённой в крытую повозку, мерцают отсветы подвешенного к
потолку
светильника. Придерживающий полог повозки Малри машет рукой, предлагая скорее
забираться
внутрь. Отец дёргает меня сильнее, и облепившее меня существо натягивается на
коже, будто
пытаясь сопротивляться.

Бесшумно приоткрываются ворота, внутрь заскакивает серокожий карлик с красными глазами.

Точно не человек! Он пронесется к Малри и почти истерично спрашивает:

– Достал?

– Дорога свободна?

– Их вывезут, ты достал? Достал? Ты обещал!

– Тс-с, да, – Малри оттопыривает полу сюртука. – Только что из Бездны, проскочил при схождении так ловко, что не задел охранных чар.

– Сильный и ловкий, – восхищённо цокает карлик и протягивает руки.

В его маленькие ладони плюхается чёрный комок, слабо дёргает щупальцами. Похож на моё

существо, но у этого нет глаз, рта, да и у меня возникает ощущение, что это нечто другое. Карлик влюблённо оглядывает сгусток тьмы.

▲– Что это? – спрашиваю я, отец вталкивает меня в повозку.

– Сила, – Малри подсаживает меня под ягодицы.

Карлик прячет чёрное существо в перекинутую через плечо сумку. Меня так настойчиво всовывают в телегу, что я наконец туда вскакиваю.

– Спрячься. – Отец забирается следом и вталкивает меня за пахнувшие копчёным мясом бочки. –

Залезай глубже, сиди тихо. Нас не должны засечь, иначе казнят.

– Оружие слева под мешками, – предупреждает Малри.

Закусываю губу. Под мешками, если я верно рассмотрела в сумраке, спрятаны два меча, пояс с

метательными ножами и склянками в кожаных петлях. Застегнув пояс на бёдрах, отец присаживается рядом и, положив мечи поближе, натягивает на нас мешковину.

Становится трудно дышать.

– Не думай ни о чём, – шепчет отец в жаркой темноте. – Нас могут выдать даже мысли.

– Мысли?

– Тс-с-с!

Только собираюсь переспросить, раздаются голоса. Шаги. Всхрапывает кобыла. Повозка скрипит, как если бы кто-то грузный забрался на козлы.

– Н-но!

Щёлкают вожжи. Под тихий цокот повозка трогается с места. Чуть разгоняется. Замирает.

Продолжает путь, с поскрипыванием сворачивая в сторону. Цокот усиливается, словно под копытами не земля, а камни. Моё сердце колотится быстрее и громче, чем подковы о землю.

Накатывает паника: правильно ли я поступаю? Вцепляюсь в рукав отца. Неожиданно он

поглаживает мою ладонь. Чёрное существо на мне шевелится, будто пытается приласкать. Немного жуткое ощущение.

– ...считай, у принцев по два отбора было, а избранных не нашли, последний шанс у них, – басит кто-то. – Стой!

Повозка притормаживает. Отец напряжённо застывает, даже не дышит. А я, наоборот, кажется, дышу слишком громко.

– В Академии найдут, – хмыкает кто-то пискляво. – Аранский точно найдёт, как я слышал, а нашему северному союзнику уж как повезёт.

– Поменьше бы ты языком трепал о Них, – цыкает бас и тут же гаркает: – Что в телеге?

– Пустые бочки и мешки, – сипло отвечает возница. – Доставка продовольствия. Склад мистера Эволи, Нарнбурн, Прибрежная пять. Только что разгрузился на складе, еду домой. Завтра вернусь с новой партией.

Металлический лязг. Чьи-то тяжёлые шаги вдоль борта. Глухой удар по нему. Дёргаюсь, едва сдерживая вскрик. Холодная ладонь отца ложится на губы. Да будто я сама не понимаю, что надо молчать!

– А что? – интересуется возница. – Кому-то нужны хозяйские бочки? Ха-ха!

– Сегодня пик схождения миров и прибывают принцы, – басит неизвестный совсем рядом. –

Повышенные меры безопасности. Так что слезай и открывай свою телегу, будем досматривать.

Рука отца соскальзывает на лежащий возле колена меч.

– Вам делать, что ли, больше нечего? – лениво отзывается возница. – Поздно уже, я домой хочу жёнушкин ужин пробовать, и если бы я хотел что-то против принцев сделать, то въезжал бы в

Академию, а не выезжал.

– Поговори мне тут, и спалим тележку дотла! Вместе с тобой и кобылой.

♠Глава 3

Возница спрыгивает с козел, качнув телегу.

– Ну, ладно-ладно, сдаюсь, – идя вдоль борта, бормочет он и откидывает полог. – Везу я кое-что интересное.

Застывает всё, даже сердце не бьётся. Отец – сжатая, готовая броситься на врагов пружина.

Возница залезает в телегу, но к нам не подходит. Стучается дерево о дерево.

– Вот, – пыхтит возница, чем-то задевая бочки. – Нога копчёная. Свежая. Мясо – пальчики оближешь. Угощайтесь.

– Другое дело, – крикает его собеседник. – А чего ещё предложить можешь?

– Ну, имейте совесть: должен же я жёнушке что-то достать, а то она меня поганой метлой из дома выгонит, придётся на сеновале ночевать. Войдите в положение.

– Что у тебя там? – не унимается бас.

– Вторая нога.

– А выпить?

– Чего не возим, того не возим. Котомка муки есть ещё. Надо?

Повисает тягучая пауза, в которую я осознаю, что сердце всё же бьётся и даже норовит выбить барабанные перепонки.

– Ладно, проезжай, – милостиво разрешает охранник. – Но в следующий раз держи в голове, что мы тут стоим голодные.

Бас поддерживают лающим смехом, а возница, кряхтя, вылезает из крытой части телеги и, прикрыв полог, возвращается на козлы.

Что-то поскрипывает, телега трогается. Мерный цокот копыт обещает спасение. Неужели всё?

Цокот продолжается, мы едем, едем, едем... уже и отец отпускает меч, валится рядом со мной на мешки и выдыхает.

Меня слегка трясёт, в душной темноте зябко. Обхватив себя руками, пытаюсь сдержать нервную дрожь. От усталости даже вопросы в голову не лезут, просто хочется на свежий воздух и чтобы уверили: ты в безопасности.

Лёгкое покачивание, плеск, голоса... Ломота в мышцах, словно на камнях спала. И запах специй – острый, слишком сильный. Матрац комковатый, не мой.

Воспоминания об отце, о переходе, носатом Малри и телеге – как ожог. Распахиваю глаза: в голубоватом сумраке светятся пять красных глаз на чёрных стебельках, уходящих под моё лицо.

– А... – распахиваю рот закричать, но дыхание перехватывает.

Глазки испуганно моргают. Один направляет зрачок на источник голубоватого света над моей головой, другой разворачивается к ногам.

Ощущение скольжения и плеск воды усиливаются. Зажмурившись, досчитываю до десяти, но когда поднимаю веки, красные глазки на стебельках по-прежнему беззастенчиво меня рассматривают.

Приподняв занемевшую руку, ощупываю лежащее на моей груди тёплое шелковистое нечто – основание стебельков. В ответ красные глаза довольно жмурятся.

Я, наверное, сошла с ума. Даже если не сошла, то всё равно рехнулась.

Наверху грохочут шаги. Кто-то прикрикивает. Скрип и шелест. Дёрганая вибрация проходит по тесной комнатке, в которой я лежу на пропахших специями тюках.

Это трюм – вдруг понимаю я. В борт плещется вода, скрипят снасти.

Вновь гремят шаги, глухой удар, шаги стучат ближе. Глазки ныряют под жилет, просачиваются под платье и блузку, растекаясь по телу щекотным теплом.

А я притворяюсь спящей за миг до того, как дверь распахивается.

– Витория, просыпайся, – велит отец. – Нам пора.

Приподнявшись на локтях, заглядываю в его возбуждённое, покрасневшее лицо.

– Куда?

– К друзьям. Нас накормят, дадут одежду попроще и документы, чтобы ехали не как простолюдины.

– Зачем?

– Меньше шанс, что нас досмотрят. Поднимайся скорее, тогда успеешь перекусить.

– А как я оказалась здесь? – кричу ему в спину.

– Ты уснула, я перенёс, – отец утопывает вверх.

Торчать здесь глупо, так что через пару минут выбираюсь на маленькую палубу. Утренний воздух

вгрызается в лицо и ладони бодрящим холодком. Оглядываю парус, снасти, двоих переговаривающихся у борта матросов и спину седого мужчины на носу судна. Наш корабль

скользит по мутной широкой реке, всё ближе подгребает к берегу, утыканному лодками и косыми

хибарами. Тут и там поднимается дым, но дышится легко, сразу чувствуется – здесь нет миллионов

автомобилей, заводов и фабрик, ТЭС и прочих экологически вредных вещей.

Халупы сменяются домами попроще, когда, наконец, подходит отец, протягивает каравай с куском сыра.

– Когда ты всё расскажешь? – Надламываю корку и вцепляюсь в мякиш.

Хлеб жестковат, но вкус непривычно насыщенный, как и у сыра. Кажется, не ела ничего вкуснее.

– Когда останемся наедине. Сейчас надо подготовиться к путешествию.

Отец, жуя кусок сыра, странным взглядом провожает плывущие мимо домишки, причалы,

качающиеся возле них судёнышки. Глаза его влажно блестят.

– Ты правда отсюда? – бормочу перед очередным жадным укусом. – Как оказался на Земле?

– Случайно, – снисходит до ответа отец, отщипывает кусок сыра и щурится. – Повезло, что успел попасть в канал схождения миров.

– И ты... волшебник? – С какой-то болезненной остротой вспоминаю, что мне обещали магию, и существо на мне тревожно шевелится.

– Был. И надеюсь снова им стать.

– А как такое возможно? Ты перенапрягся или что?

– Помнишь шрамы у меня на животе? – он звонко хлопает себя под пупком.

– От медвежьих когтей?

– Да. – Отец шурится сильнее. – Только ударил меня не тупой зверь, а медведеоборотень, ещё и магией подпалил так, что повредил источник, погасил его. Это как руки или ноги оторвать – медленная пытка. Поэтому вернуться я не мог: манок, который нас сюда перенёс, появляется редко. Лишь одарённые магией могут ощутить его зов, войти в канал схождения, а пятнадцать лет назад, на прошлое схождение, я уже пустой был, как мёртвое дерево.

Меня снова обжигает яркими, но непонятными эмоциями.

– И ты прошёл с моей помощью?

– Да.

♣– Зачем этот манок?

– Ловят магов из других миров, чтобы поработить их, использовать магию в своих целях. Если бы ты находилась вдали от того манка, для тебя возник бы свой манок, и тогда скрыть наш переход было бы невозможно.

– И как тебе удалось узнать, где будет этот манок?

– Я ментальный маг. Был. Схождение происходит не мгновенно, связь между мирами уплотняется постепенно, и я пытался кого-нибудь позвать. К счастью, ментальная магия зависит не только от магического источника, иначе у меня ничего бы не получилось. Я звал, звал и, наконец, наткнулся на ментальный образ Малри. Он держал связь с нашими иномирными друзьями, уловил мой крик о помощи и усилил. Так я связался со своими и узнал, в какую зону сориентирован манок. Позже получил точные координаты.

– А та девушка, блондинка? – мне не по себе. – Что с ней будет?

– Вынудят подписать контракт, наденут ограничивающий браслет, обучат простейшим заклинаниям и заставят отрабатывать обучение и кормёжку у хозяев.

– Каких хозяев?

– Драконов.

Икнув, перевожу взгляд на берег: плотно натыканы деревянные склады, вертятся деревянные

краны, суетятся грузчики с тюками и ящиками.

– Драконов? – пробую привычное фантастическое название на новый вкус.

– Да, драконы здесь всем заправляют. Мерзкие самовлюблённые ящерицы. – У отца подёргивается губа, взгляд холодеет.

Снова растерянно смотрю на берег, но не вижу драконьих следов. И в небе тоже.

– А они большие? Крылья у них есть?

– Размером с двух-трёх этажный дом, бронированные, крылатые, с огромным магическим резервом.

Человека им перекусить или раздавить – раз плюнуть.

Мороз по коже: настоящие чудовища, а не герои романтических сказок.

– И ты с ними поссорился? – тихо предполагаю я. – Дорогу им перешёл?

– Да.

Вот же ж! Батя как он есть: влезать в неприятности – наше всё.

Остро хочется постучаться головой о мачту. Но сзади кричат:

– Причаливаем к седьмому!

Болтавшие матросы бросаются спускать парус. С ленивым хлопанием ткань складывается, открывая вид на растянувшийся на берегу город. По размеру его площади он кажется огромным, но у домов от силы по несколько этажей, так что по земным меркам количеством населения он вряд ли дотягивает до города.

Матросы быстро справляются с парусом. Один уходит в трюм, второй у борта раскручивает верёвку.

– И что будем делать? – нервно интересуюсь я. – Помимо получения документов и одежды.

– Поедем к друзьям. Мне нужно восстановить магию, а тебе развить свою.

– Я тоже стану менталистом?

– Нет, – отец пристально меня оглядывает. – Лучше: магией Эёрана ты не пропитана, источник не иницирован, ты сможешь получить магию Бездны.

Звучит жутко. Особенно в восторженном исполнении отца, который никогда и ничем не восторгался.

– Что за Бездна? – потираю грудь и шевельнувшееся под пальцами существо. – И что за магия?

– Бездна – мир магии, в котором ей владеют все, а не только избранные. Магия Бездны для нашего мира уникальна, и если тебе удастся хорошо её освоить – сможешь сражаться с драконами на равных.

О да, я прямо всю жизнь мечтала с драконами на равных бодаться. Это шутка, если что. Так-то я хотела умеренно спокойную работу с восьмичасовым рабочим днём и адекватным начальством, соблюдающим трудовой кодекс.

– Пап, а вот эта часть про сражение с драконами на равных – это обязательно?

У него расширяются глаза и, думаю, не из-за непривычно ласкового обращения.

– У тебя есть уникальная возможность получить невообразимую власть! А ты не хочешь? Да любой эёранец горло перегрызёт за подобный шанс, но он есть только у тебя. – Отец нависает надо мной. – Витория, кем ты хочешь быть? Рабыней или хозяйкой своей судьбы?

Вспомнив, как меня не пустили на работу в день выдачи оплаты за испытательный срок, как околачивалась под дверью фирмы, как охранник выталкивал меня горячим потным пузом...

– Хозяйкой, – уверенно отвечаю я, но, представив битву с драконом размером с трёхэтажный дом, добавляю: – Только без фанатизма.

В глазах отца мелькает грусть, он отворачивается:

– Девчонка. Ты просто девчонка, не мужчина.

– Ну извини, меня не спрашивали, кем родиться. – Вгрызаюсь в хлеб.

– Правее! – прикрикивает стоящий на носу седой мужчина. – Правее, идиот!

На причале загорелые люди в грязных штанах выкидывают багры, один ловит сброшенную матросом верёвку, и судёнышко с противным скрежетом притискивают к деревянному настилу.

Выскочивший из трюма матрос скидывает скрипучий трап. Отец быстро стаскивает меня в суетливо-пахучую толпу пассажиров и грузчиков на берегу. В жаркой потной тесноте, среди гомона, окриков «Посторонись!», запахов кислой капусты, помоев, смолы, в толкотне локтей, в ощущении обшаривающих меня почти невесомых рук, под женский крик: «Держи вора!»

мне не до
обид на оскорбительное для дочерей «хочу сына». Мне бы только идти, не
поскользнуться на
очистках, не упустить тянущую сквозь неизвестный мир руку. Потеряюсь – и не
найдусь, я же без
денег и документов. Сердце бешено колотится от страха.

Толпа кончается резко, словно кто-то провёл линию: здесь быть невыносимой давке,
а там – забитой
повозками улочке. Гигантские тюки, дрова, сундуки, ящики, снова тюки проносятся
мимо,
перекочевывают на телеги. Смешиваются хриплые голоса, смех.

И снова чудесная невидимая линия отсекает запруженную улочку на границе с
широкой, почти
свободной. Проносюсь следом за отцом, едва замечая разномастные ворота высоких
оград, пытаюсь
понять, как такое возможно, что отец – не с Земли. Он же жил там, документы
точно имел, работал
иногда. Но... ни разу не слышала, где он учился, о школьных друзьях.
Человек-одиночка. Не
вспоминал он и детского дома, в котором якобы вырос...

Он вталкивает меня в дверцу в высоких деревянных воротах. Во дворе пахнет
кипячёным бельём
и сеном, смолой недавно наколотых дров. Сверху хрипло кричит старуха:

– Куда прёшь?!

Отец вскидывает руку:

– К хозяину за помощью. А тебе желаю свободной силы в беззвёздную ночь.

– Входите, – совсем иным тоном отвечает старуха.

Я словно в шпионской истории: явки, пароли. Отец заводит меня в тёмную прихожую,
предупреждает:

– Не разувайся.

Тянет в коридор к лестнице, с которой спускается невзрачная женщина средних лет
в старомодном
платье. Она недоверчиво оглядывает отца, меня удостаивает лишь мимолётным
взглядом.

– Мы отправляемся на вторую базу в Озаране, – поясняет отец. – Как аристократы.
Подготовь её.

Женщина не трогается с места, но тут в другом конце коридора появляется старик и
прикрикивает:

♣– Шевелись, Шух.

Пискнуть не успеваю, как Шух втаскивает меня в ванную. Только ванна здесь
медная, водопровода

нет. Ну ничего себе удобства! Не буду я раздеваться.

Шух замысловато двигает руками, и платье с меня соскальзывает само, а земная одежда сползает лишь наполовину. Чёрное существо поднимает стебельки с глазами, и женщина отшатывается. Её страх сменяется изумлением, а затем – восхищением, почти влюблённостью. Она так смотрит на меня, словно желает расцеловать. Вместо поцелуев она падает на колени:

– Повелительница вестников, какая честь, какая честь!

Сама бы я хотела знать, какая именно это честь.

Сбивчивые объяснения Шух проясняют немного: сидящее на мне существо вроде как вестник. Бездны, управлять ими может далеко не каждый. А раз оно сидит на мне, значит, я им управляю, значит, мне большое уважение и почитание.

Поэтому Шух, не сводя влюблённого взгляда с глазок на стебельках, моет меня магией, сушит тоже ей. Волосы от короткого прикосновения укладываются в сложную плетёную причёску.

С шёлково-кружевным бельём и чулками на поясе со старинными застёжками я кое-как разбираюсь сама, но с мягким корсажем и тяжёлым шёлковым платьем синего цвета снова помогает Шух. Она в восторге от того, как гластик растекается по коже, незаметно прячась под платьем.

Туфли со шнуровкой на меня тоже надевает Шух. А вот серьги со своих скромных гвоздиков на выданные золотые капли меняю сама. И подкрашиваюсь тоже сама, хотя их палочки и кисточки неудобнее земных. Да и возиться с маленьким зеркалом тоже несподручно после мира, в котором метровые зеркала – обыденность.

Платье сильно шелестит. Посмотреть бы на себя в полный рост в образе леди позапрошлого века... но пока меня ведут к отцу, не попадается ни одного зеркала.

Проводив меня на этаж ниже, Шух указывает на дальнюю дверь:

– Кабинет там, леди. – Улыбается. – Пусть удача сопутствует всем нам, и скорее наступит беззвёздная ночь свободной силы.

Не знаю я, как отвечать на их пароли, поэтому просто киваю и улыбаюсь в ответ.

Крадусь к кабинету, прислушиваясь, но голосов оттуда не доносится. Я открываю дверь, и на меня обрушивается бодрый голос:

– ...не достанешь, барон Дарион из Академии медвежьего носа не показывает, – брюнет в шёлковой тройке осекается.

Зеркалом, оценившим меня в образе леди, становится не стекляшка с серебряным покрытием, а восхищённый взгляд этого брюнета. Судя по всему, образ мне идёт.

Эх, тут что-то обсуждали, надо было под дверью подольше постоять, вдруг бы услышала что-нибудь полезное.

– Леди Витория, – брюнет, обогнув стоящего спиной ко входу высокого блондинистого аристократа, ухватывает меня за руку, прижимается губами к тыльной стороне ладони, слегка щекоча её аккуратной бородкой и усами. – Эрмил Хаст, счастлив знакомству! Это большая честь.

Этот холёный мужчина не сводит с меня взгляда больших тёмных глаз. Кудрявые волосы зачёсаны волосок к волоску, влажно поблескивают. Не сказать, что он писанный красавец, но есть в нём что-то чертовски привлекательное. И совершенно невозможно понять, какого он возраста: может быть тридцать, а может и все сорок.

Блондинистый аристократ разворачивается – и это мой отец. В сюртуке с вышивкой и шейным платком с булавкой он выглядит помпезно, и это идёт холодному, точёному лицу без единого изъяна. Вместе с одеждой в осанке и взгляде отца появляется царственная величественность. Образ аристократа ему как родной. Так и зудит спросить, он случаем не благородных кровей будет, но я улыбаюсь Эрмилу.
♣– Мне тоже приятно.

– Если бы знал, что вы столь прекрасны... Эх, если бы я знал, – он очерчивает меня рукой. – Я бы устроил все дела так, чтобы лично сопроводить вас до места, чудеснейшее сокровище. Счастлив ваш отец: ради такой прелестной дочери можно просидеть в другом мире хоть столетие.

– Боюсь, отец предпочёл бы сына.

– Глупости, дочери – вот истинные сокровища отцов: вы можете переворачивать мир одним мизинчиком, улыбкой, взглядом, а мы, мужчины, ради самых ничтожных результатов должны вручную сворачивать горы. Нет-нет, дочери – это великая радость.

Так, кажется, он очарован или только делает вид. Наверняка он знает больше суетливой Шух. Я одариваю Эрмила самой милой улыбкой, и восхищения в его взгляде прибавляется. Возможно, с него удастся страсти полезную информацию...

– Нам пора, – отец решительно подхватывает меня под локоть. – Надо успеть до операции.

– Какой операции? – с надеждой оглядываюсь на Эрмила.

Он улыбается:

– Собираемся напомнить нашим врагам, что сила за нами.

Теперь смотрю на отца: он хмурится, тонкие губы поджаты. Но что ему не нравится: эта планируемая операция или то, что я упёрлась и не иду?

– Витория, – интонации его голоса напоминают, как он в машине пообещал ударить, если попытаюсь сбежать.

Выдохнув, разворачиваюсь к двери и выхожу следом за ним. Тягает меня, как телёнка на верёвочке. Надо с этим что-то делать.

Платье шелестит непривычно громко, звонко стучат по каменным плитам каблуки. В этом шуме не сразу улавливаю, что Эрмил следует за нами. Когда оглядываюсь, он улыбается и, заговорщически подмигнув, засовывает сложенную бумажку под пояс платья. Отлично, мне уже выдают тайные записки!

Больше Эрмил на меня не смотрит, только на отца: хвалится, какая карета хорошая, кони замечательные да документы неотличимы от настоящих. Он даже не помогает мне забраться в карету, хотя с непривычки в платье с объёмным подолом это весьма затруднительно.

Дверца за отцом захлопывается, и снова цокот, поскрипывания, на этот раз рессор, а не старого дерева. Пахнет внутри цветами, а не копчёностями и специями.

Сидящий напротив отец в образе аристократа кажется ещё более чужим, чем прежде. Задумчиво кусает костяшку указательного пальца, барабанит пальцами по колену. И явно не

собирается
ничего объяснять.

– Ты что-нибудь расскажешь наконец? – складываю руки на груди. Тёмное существо протискивается между шеей и стойкой воротника, выплёскивает вперёд стебелёк, на конце которого набухает и, словно бутон, раскрывается красный глаз. Указываю на моего невольного спутника.
– Хотя бы о том, что это такое?

Отец странно осматривает глаз и уставляется в окно на мелькающие дома и лица прохожих.

– Рассказывай, – требую я, – а то закричу, выпрыгну на улицу и наделаю глупостей.

– Не выпрыгнешь.

Схватившись за ручку дверцы, цежу:

– Проверим?

▲Глава 4

Долго, пронзительно смотрит отец.

– Считаю до десяти, – предупреждаю я. – Раз, два, три... – На моём лбу выступает пот, пальцы на ручке дверцы сводит до боли. – Четыре, пять...

– Я точно не знаю.

– Что?!

Отец морщится, но признаётся:

– У этого существа нет названия. Оно... Его вывели искусственно, чтобы получить магию, отличную от магии Эёрана – магию Бездны. Оно что-то вроде источника-приёмника, это трудно объяснить тому, кто не понимает принцип работы магии. Только оказалось, что рождённые здесь и в других магических мирах одарённые не могут использовать чужую магию. Пробовали по-разному: неиницированным, до возраста пробуждения источника, прививали новорождённым, но магия Эёрана, пропитывающая магические миры, отторгает эту связь. Одна надежда, что передавшейся от меня магии Эёрана будет недостаточно для отторжения у тебя магии Бездны.

– То есть на мне будут проводить эксперименты?

– Ты попробуешь получить магию Бездны.

– Это звучит как эксперимент надо мной, а я тебе не крыса подопытная.

Отец резким движением отдирает мою руку от дверцы и толкает меня в грудь.

– Уймись! Тебе всё равно надо принять магию. Добровольно согласиться на неё, и лучше получить ту, способов борьбы против которой у местных магов нет. Да, ты можешь получить стандартную магию, как у всех, а можешь завладеть почти непобедимой, – воодушевлённо выдыхает он.

– Но вдруг что-нибудь пойдёт не так?

– Тогда иницируем источник магией Эёрана, и будешь как все.

– Почему против магии Бездны нет способов борьбы?

– Потому что местные не знают её принципов, и нет никого, кто мог бы рассмотреть её структуру и придумать контрзаклинания.

– Если никто не знает, как ей пользоваться, как смогу я? Кто научит? Ты об этом подумал? Вдруг я кого-нибудь взорву или самоубьюсь? Ты вообще думаешь, что предлагаешь?

К первому красному глазку выбираются ещё два, тоже смотрят на отца.

– Оно тебе не даст, – он кивает на глазки, они переглядываются. – Будет гасить вспышки. Принципы освоения магии тебе объяснят, разберёшься. Моя дочь не может быть настолько глупой, чтобы не совладать с магией.

– Ну, спасибо за высокое мнение о моей наследственности.

– И дочь аристократа не должна вести себя, как простолюдинка. – Придерживаясь за стенку кареты, отец встаёт и поднимает сидение, под которым скрыта полость с книгами и сумкой. Один фолиант бросает мне на колени. – Изучай.

Следом за фолиантом летит зелёная сфера, причём в лоб. Она исчезает в голове. В этот раз неприятных ощущений нет, но я потираю лоб.

– Это заклинание понимания письменной речи, – поясняет отец.

Проследив, как он устраивается на сидении, опускаю взгляд на обложку.

«Этикет, пособие для юных леди».

▲Недовольно смотрю на отца. Он складывает руки на груди и отворачивается к окну:

– Учись, если не хочешь, чтобы даже идиоты догадывались о поддельности твоих документов.

– Значит, это просто маскировка?

– Полагаю, титула меня «посмертно» лишили, но это не отменяет того, что я принадлежу к древнему аристократическому роду Никсэ. А ты моя законнорождённая дочь и должна соответствовать, даже если благородной крови в тебе лишь чуть больше половины.

– Ну почему же, – фыркаю я. – Половина: мама была простой женщиной.

– Ошибаешься: её предки из аристократической семьи. Революция вынудила их смешать кровь с простолюдинами, но благородные гены частично остались, иначе я бы на ней не женился.

У бати моего точно крыша поехала. Бежать от него надо, только куда?

Сильно, почти нестерпимо желание распахнуть дверь и выпрыгнуть, наплевав на неудобное платье и незнание мира. Но я открываю книгу: этикет надо выучить, понять, что здесь и как, получить магию, а потом бежать.

Формулировки в пособии больно витиеватые. Ну, ничего, в наших учебниках и пострашнее пассажи бывают, выдюжу.

– А нет какого-нибудь хитрого заклинания, которое могло бы меня всему-всему научить? – Потирая переносицу, зеваю чуть не до вывиха челюсти. Читать в трясущейся карете – то ещё «удовольствие», особенно когда надвигаются сумерки.

– Если не можешь сдержаться, то хотя бы прикрывайся, – ворчит отец. – Заклинаний изучения на сторонние знания нет, только заклинания понимания устной и письменной речи всех существ, кроме драконов.

– А почему драконью не переводят?

– Она защищена их магией, на драконьем могут говорить и писать только драконы.

– Так, стоп, как они пишут, если они – ящерицы размером с дом?

– При желании они могут принять человеческий облик. К сожалению, в такой форме они сохраняют невероятную силу.

– А есть какие-нибудь признаки, по которым драконов можно отличить от людей?

– Сила и высокомерие.

Сказал человек, у которого высокомерие хлещет через край.

– Хм, тогда я подозреваю, что ты дракон. – Захлопываю книгу, поведавшую мне нюансы поведения с аристократами и не аристократами, драконами (что любопытно, по этим описаниям не очевидно, что они могут иметь человеческий облик), вампирами, эльфами, оборотнями, орками, болотными и степными гоблинами. Правда, я изучила только раздел человеческих аристократов и то, что на драконов прямо не смотрят, выражают им почтение и ни в коем случае им не перечат.

– Я человек и горжусь этим, – заявляет отец. – Продолжай, ты не дочитала.

– Я всего лишь человек, мне не дано все нюансы такой толстенной книги запомнить за одно прочтение. И так в голове каша, продолжу читать – совсем запутаюсь.

Он хмуро оглядывает меня, и я предотвращаю выпад по поводу «неправильного» пола:

– У парня возникли бы такие же проблемы: когнитивные способности женщин и мужчин отличаются меньше, чем тебе бы хотелось. Даже наоборот: эта книга полна социальной информации, девушке её запомнить проще.

Карета резко останавливается.

– Что ж, проверим, – запрокинув голову, отец смотрит на меня сверху вниз. ♠Лежавшее на моей груди глазастое существо втекает под платье.

– Делать реверанс я из описания в книге не научилась, – недовольно произношу я.

– Ты умеешь, – парирует отец. – Научилась в театральном кружке для роли Золушки.

Все язвительные замечания заглушает странное ощущение в груди. Дар речи возвращается лишь после того, как я сглатываю, но голос звучит неуверенно:

– Э... не знала, что ты был в курсе: на представление ты не пришёл.

– Только помни, что к платью, когда за него берёшься, надо прижимать все пальцы, не оттопыривая мизинцы, как принято на Земле.

– Я и так это запомнила, – голос по-прежнему слегка сбоит.

Дверь распахивают, пропуская тусклый свет. Мужчина в тёмной одежде склоняет голову:

– Лорд, леди, прошу.

Так, кажется, это слуга, перед ним реверанс не делают. Отец выскакивает на улицу, под ногами у него глухо скрипит дерево.

– Перекладывайте вещи скорее, мы торопимся, – приказывает отец, оправляя воротник. – Как скоро можем отправляться?

– Как только окажетесь на борту.

Слуга протягивает мне руку. Тело от долгого путешествия затекло, подол путается, топорщится и шуршит, приходится придерживать его и одёргивать, чтобы не обнажить ноги выше щиколотки. Ещё и вылезти надо так, чтобы не вывалиться на деревянную брусчатку. Сильная рука мужчины очень и очень кстати. Я даже вполне сносно выбираюсь, поднимаю голову...

Сумеречное небо рядом с нами закрывает дирижабль.

Мужчины в простой, грязной одежде снимают с нашей кареты сундуки, вынимают вещи из ящика внутри кареты и всё это несут на борт летающей громадины, мягко покачивающейся на цепях, соединённых с вбитыми в землю столбами.

Дирижабль.

Настоящий дирижабль...

А... Я ведь стою с открытым ртом. И закрываю его слишком громко, благо за топотом ног по брусчатке никто этого не слышит.

При более спокойном рассмотрении вынуждена признать, что люлька дирижабля не слишком велика, внутри (если нет каких-нибудь магических способов расширения пространства) влезет от силы четыре небольшие каюты. Этакая подводная лодка на воздушном шаре.

Над ухом вдруг раздаётся мурлыкающий голос:

– Нравится?

Разворачиваюсь, чтобы посмотреть, кто так неделикатно подкрался к «леди» и допустил фривольную интимность в разговоре.

Отправляйся я в этот мир с целью выйти замуж, решила бы, что здесь отличное место для ловли породистых мужчин: уже третий из встреченных здесь особей со статусом отличается привлекательной внешностью. Их привлекательность с каждым новым экземпляром увеличивается.

Жаль, занимаются они противозаконной деятельностью. Ладно, хоть полюбуюсь. Украдкой. Ибо леди не положено глазеть на незнакомых мужчин. На знакомых, впрочем, тоже.

Поэтому отворачиваюсь от широкоплечего шатена и продолжаю разглядывать дирижабль, благо он тоже может похвастаться красивой формой, габаритами и завитками украшений на борту.

– Хм, – выдаёт шатен.

Не реагирую, как и подобает леди. Если он чужак, перед которым надо притворяться, я веду себя правильно.

Отец, наконец, замечает его и быстро подходит. Взгляд жёсткий до мороза по коже.
▲– Капитан Лэв, мы отправляемся немедленно. – Отец подаёт мне локоть.

– Печать пограничного пропуска есть?

– Конечно. Среди вещей.

Только после этого капитан направляется к дирижаблю, а я склоняюсь к отцу:

– Что за печать?

– Мы будем пересекать границу, печать позволит пройти сквозь защитные чары.

– Зачем мы так торопились до закрытия дорог, если всё равно летим?

– Мы не успели, поэтому летим. И к самому месту поедem наземным транспортом: дирижабли слишком привлекают внимание.

– А как-нибудь быстрее нельзя? Телепортироваться там, например...

– Редкий маг может перенести кого-то ещё. Ты должна научиться волшебству и переносить себя сама.

– И как скоро я научусь? – Интересуюсь я, и отец смотрит на меня с подозрением.

– Путешествовать в карете мне не понравилось, а на дирижаблях нельзя.

– Увы, нескоро. Сначала нужно хорошо освоить магию.

Какая жалость! Я-то надеялась быстренько научиться или прихватить какой-нибудь артефакт для

путешествий и сбежать.

Под руку с отцом поднимаюсь по трапу в тесный коридор, подсвеченный магическими шариками.

Странно видеть внутри летающего аппарата обои. Рёбра жёсткости, выступающие из потолка, оставляют надежду на то, что в случае столкновения с землёй гондола в лепёшку не разобьётся.

Дополнительными рёбрами жёсткости служат дверные косяки и двери: по две с каждого бока и по одной в концах коридорчика.

Отец практически заталкивает меня в самую близкую к носу левую каюту. Она маленькая, с маленьким иллюминатором, не оставляющим надежды на побег через него, узкой койкой и сундуком, под и в которых не спрячешься, чтобы побег изобразить.

Возвращается отец через минуту, нажимает выпуклость в стене – это зажигает сферу под потолком

– и бросает на койку пособие по этикету:

– Чтобы к утру всё знала.

Выйдя, запирает дверь. Мне всё меньше и меньше нравится его общество. Хотя, с другой стороны, если родной отец так со мной обращается, чего ждать от чужаков?

Кстати, о чужаках. Задёрнув шторку на иллюминаторе и прислонившись спиной к двери, наконец вытаскиваю из-за пояса платья записку Эрмила Хаста.

«Витория, в ближайшие дни вы узнаете много существ, некоторые будут с вами добры, другие грубы, третьи пожелают войти в доверие и использовать вас в своих целях. Мне лично будет безмерно жаль, если такая юная прелестная леди сгорит в пламени чужих амбиций. Я не последний человек в империи и Ордене, и если только пожелаете, с радостью стану вашим наставником и опекуном».

При живом-то отце, ну-ну.

«Когда овладеете магией, сможете позвать меня через эту печать, достаточно коснуться её пальцем и влить немного энергии, она сообщит мне ваше местоположение».

Так вот зачем нужен рисуночек, смахивающий на пентаграммы вызова демонов из ужасиков и компьютерных игр.

♣«Я настолько очарован вами, что готов защищать ваши интересы.

С надеждой на скорую встречу,

Э.Х.»

За идиотку он меня, что ли, держит? Очарован он, будто я не в состоянии понять, что записку он наката до того, как успел меня увидеть и очароваться.

Но она подтверждает предостережение, что всякие подозрительные личности будут пытаться войти ко мне в доверие и использовать. Как пытается он.

Ладно, буду считать это поводом повысить самооценку. И ещё большим поводом держать ухо востро. А записку на всякий случай приберегу.

Замок за моей спиной щёлкает. Скрутив листочек, всовываю его за пояс и приземляюсь на койку. Дрогнувшей рукой распахиваю книгу одновременно с тем, как открывается дверь.

Капитан Лэв с улыбкой сердцееда проскальзывает в каютку и показывает бутылку:

– Выпьем за знакомство?

Судя по тому, что написано в книге, которой я прикрываюсь, мне надо стоически игнорировать дерзкие предложения.

– А мы куда не врежемся? – глухо интересуюсь я.

– У этой птички магический двигатель, до границы идём по ориентиру защитной печати, так что можно спать спокойно. – Лэв окидывает меня намекающим взглядом и понижает голос: – Или не спать. На каютах звукоизоляция, твой соглядатай ничего не узнает.

Да, сейчас, два раза.

– Выйди, – отвечаю я. – Твоё предложение неприемлемо для леди.

– Но ты и не леди. – Лэв пробегает пальцами по этикетке. – А вино у меня с магическим ингредиентом: ни похмелья, ни перегара.

– Почему ты решил, что я не леди? Вроде, при встрече я правильно отреагировала на твою дерзость.

– Лицо тебя выдало: ни страха, ни презрения. Тебя не смутила и не изумила моя дерзость.

– Значит, нужно либо больше пугливости, либо больше высокомерия?

– А лучше и того и другого. – Лэв плюхается на койку и засовывает под неё руку.

Щёлкнув, звякнув, вытаскивает пару бокалов.

– Я не буду пить, – качаю головой, – и тебе лучше уйти.

– Почему? – Он пожимает плечами и зубами выдёргивает едва утопленную пробку. Наливает вино. –

Торчать в кабинке до ужаса скучно. Не хочешь погреть меня, хоть беседой развлеки. Ты сама-то откуда? Как с Орденом связалась? Куда путь держишь?

Поданный мне бокал переставляю на столик. Прищурившись, оглядываю капитана Лэва. Вопросы у него такие... то ли и впрямь поболтать хочет, то ли он агент местных спецслужб. Усмехнувшись, капитан опорожняет сразу полбокала и ждёт ответа.

– Если так любопытно – спроси моего отца.

– Отец? – капитан вздёргивает брови. – Любопытно.

Может, зря я это сказала? Лэв отпивает вина и доликает в бокал из бутылки.

– Лучше расскажи, – закрываю пособие, изображая готовность к разговору, – как ты стал капитаном
▲дирижабля и попал в Орден?

Порой о мире лучше всего рассказывает судьба населяющих его людей.

– Жениться хотел, но содержать семью было не на что, вот и подвязался к знакомому контрабандой заниматься. Когда нас повязали, человек из Ордена меня отмазал, с тех пор выгода от контрабанды резко возросла.

Если за работу на Орден он получает много денег, значит, с Орденом что-то сильно противозаконно.

– А сам-то ты что думаешь об Ордене? Нужен он?

– То, что они предлагают, весьма привлекательно. – Капитан, улыбнувшись, снова отпивает вина.

– Но?

– Я с ними уже лет восемь, и что-то мне ни отменного здоровья, ни магии не отвесили. Платят же хорошо, тут не спорю.

– Значит, ты не маг?

– Нет, иначе бы здесь не катался. Одарённые всегда имеют возможность найти работу поспокойнее, их же не так много, как простых существ.

– А куда мы летим?

– В Ревернан.

– С географией у меня не очень, так что название ни о чём не говорит.

– Это город в одной из граничащих с империей долин Озарана.

– Как думаешь, стоит туда отправляться?

Фыркнув, Лэв пожимает плечами:

– По мне что империя, что Озаран – одинаковая драконья задница: Срединный альянс он и есть Срединный альянс.

Только задумываюсь, не притвориться ли совсем тупой и спросить об альянсе, как дверь открывается.

– Следи за полётом, Лэв! – рявкает отец.

Он бы, наверное, вошёл и вытащил моего незваного гостя за шкуру, но места для такого манёвра в каюте нет, и отцу приходится отступить и ждать, пока капитан поцелует мне руку, заберёт бокалы (оба осушив до дна) и бутылку.

– Учи этикет! – Захлопнув дверь, отец её запирает.

– А ужин? – кричу я, но потом вспоминаю, что каюты со звукоизоляцией. Прямо летающая тюрьма.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/popadanka-ledyanogo-drakona-b55644>